

В О Л Ь Т Е Р Ъ.

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris 1836).

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоценной для потомства. Мы съ любопытствомъ разматриваемъ автографы, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради или записи къ портному объ отсрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначащія слова, тѣмъ же самимъ почеркомъ и, можетъ быть, тѣмъ же самимъ перомъ написала и великия творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую вѣсть смеять-

ся, и передать сдѣлкамъ и купчаямъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго. Президентъ де Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями, * но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740, и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: «L'Italie il y a cent ans». Въ этихъ дружескихъ письмахъ де Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда неотягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, чѣмъ писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевскаго Озера. Слава не спасала его отъ беспокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство маленькой, мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякой случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ (пишетъ онъ самъ) имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ — дабы не решагать туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ.

---

* *Histoire des navigations aux terres australes ; Traité de la formation mécanique des langues ; Histoire du VII siècle de la République Romaine ; Traité du culte des dieux fétiches*, и проч.

Мъстечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Броссу, обратило на себя его внимание. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствиемъ то, что вы пишите объ Австралии; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобы Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно—и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

«Обязуюсь изъ матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенъкій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другое 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

«Все, чѣмъ украшу землю, весь скотъ, всѣ землемѣрческія орудія, коими снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и

тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

« Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

« Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ, и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронить. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

« Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную *les Délices*; я украсилъ домъ въ Лозанѣ; то и другое теперь стѣбѣтъ вдвое противу прежней цѣны: то же сдѣлаю и съ вашей землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ея съ рукъ не сбудете.

« Во всякомъ случаѣ прошу вѣсть сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де Броссъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

« Если бы я быть въ вашемъ сосѣдствѣ (пишетъ онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу *, то, восхищаясь вмѣстѣ съ ва-

* Вольтеръ въ 1755 году купилъ *les Délices sur St. Jean*, близъ самой Женевы.

ми физическою красотою береговъ вашего озера, я бы имѣль честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надообно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому что не надообно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархіи . . . . Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, еслибъ онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣеть даже чести быть древностю: это просто *вльтоши*. Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣть для васъ то же намѣреніе. — Приступимъ къ дѣлу. »

Туть де Бrossье разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ 15 Декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де Бrossомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставля-

ють дѣловые запросы для шуточъ самыхъ неожи-
данныхъ, для сужденийъ самыхъ искреннихъ о лю-
дяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ
письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. лю-
безнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де Бrossсъ—тѣмъ
острымъ писателемъ, который такъ оригинально
описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ,
въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ зем-
ли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Вой-
на; какъ и многія другія войны, началась отъ при-
чинъ маловажныхъ. Срубленныя деревья осердили
нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ прези-
дентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно
видѣть, что такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смот-
ритъ на де Бrossса какъ на врага, какъ на Фрерона,
какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его
погубить: «qu'il tremble!» — восклицаетъ онъ въ бѣ-
щенствѣ — «il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il
s'agit de le deshonorer!» Онъ жалуется, онъ пла-
четъ, онъ скрежещетъ... а все дѣло въ двухъстахъ
франкахъ. Де Бrossсъ съ своей стороны не хочетъ усту-
пить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жа-
лобы, онъ пишетъ знаменитому старцу надменное
письмо, укоряеть его въ природной дерзости, со-
вѣгаетъ ему въ минуты сумасшествія воздержи-
ваться отъ пера, не краснѣть опомнившись потомъ
и окончиваетъ письмо, желаніемъ Ювенала:

Mens sana in corpore sano.

*

Посторонние вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовѣстить Вольтера и пишетъ къ нему ъдкое письмо (кото-
рое, вѣроятно, диктовано самимъ де Броссомъ): «Вы
боитесь быть обманутымъ»—говорить г. Рюфе,—«но
изъ двухъ ролей это лучшая . . . Вы не имѣли ни-
когда тяжѣбъ: онъ разорительны, даже когда ихъ и
выигрываемъ . . . Вспомните устрицу Лафонтена
и пятую сцену втораго дѣйствія въ *Скалиновыхъ
Обманахъ**. Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще
опасаться и литературной черни, которая рада бу-
детъ на васъ броситься . . . »

Вольтеръ первый утомился, и уступилъ. Онъ дол-
го дулся на упрямаго президента, и былъ причи-
ною тому, что де Бrossъ не попалъ въ Академію (что
въ то время много значило). Сверхъ того Вольтеръ
имѣлъ удовольствіе его пережить: де Бrossъ, младшій
изъ двухъ пятнадцати годами, умеръ въ 1777 го-
ду, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество материаловъ, собранныхъ
для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая библіотека), какъ
человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ
еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная пере-
писка открываетъ многое. «Надобно видѣть»—пи-
шетъ издатель въ своемъ предисловіи,—«какъ бало-
вень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и
Фридриха II, занимается послѣдними мелочами для

* Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скалина на колѣняхъ
признается во всѣхъ своихъ плутняхъ.

поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ вѣзжаетъ въ свое графство, сопровождемый своими обѣими племянницами (*которыя есть въ брилліантахъ*); какъ выслушивается онъ рѣчъ своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на прокатъ у Женевской Республики. — Онъ въ вѣчной распрѣ со всемъ мѣстнымъ духовенствомъ. *Габель* (налогъ на соль) находится въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этой раздражительностию страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прищѣпки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ право напоминаетъ его заступленіе за семейство Коласа. »

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розаны.

Vos rosiers sont dans mes jardins,
Et leur fleurs vont bientôt paraître
Doux asile où je suis mon maître !
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimai strop peut-être.
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ госою нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ Французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера—напыщеннымъ языккомъ Ронсара, живость его—несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе—площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де Броссомъ, представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность—все это не вредить ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его, и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и беспокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де ла Туша, бывшаго Французскимъ посланникомъ при дворѣ Фридерики II (въ 1752 г.)

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ *Сѣвернымъ Соломономъ*^{*}, своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ Берлинской Академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: *Письмо къ Публикѣ*. Въ немъ осужда-

---

* Такъ называлъ Вольтеръ Фридерику II въ хвалебныхъ своихъ посланіяхъ.

ли Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ, и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ Нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени, «Письмо къ Публикъ» было перепечатано въ Берлинѣ съ изображеніемъ короны, скиптра и Пруссаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ Короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрить»—писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю,—«но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайне чувствуютъ свое горе!» Не смотря на свое уныніе, онъ однакожъ не могъ удержаться, чтобы еще разъ не задѣть своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (*la Diatribe du Dr. Akakia*) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого Короля.

Слѣдствія известны. Сатира, по повелѣнію Фридриха, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ Прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ, и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридриха, напечатанныя для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его двора.—

Вся эта жалкая исторія мало приносить чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жиз-

ни, никогда не умѣль сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилию, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ Государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современного мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающія, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицемъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣль самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? За чѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости Государя, ему чужаго, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить? . . .

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя Король, вопреки природной своей насмѣшиности, не сталъ бы унижать своего старого учителя, не надѣль бы на первого изъ Французскихъ поэтовъ шутовскаго кафана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отоспалъ Фридерику каммергерскій ключъ и Прусскій орденъ,

знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что Король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридериkъ негодуетъ и грозить, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ....

Что изъ этого заключить? Что геній имѣеть свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалять благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе однѣ могутъ насть возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.